

№ 597

РАЗБОЙНИКИ.

ТРАГЕДІЯ

ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Иогансон.

48517.26.40

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

FEB 21 1928

Дозволено цензурою. Київъ, 18 Ноября 1891
года.

К І Е В Ъ.

Тш. Петра Барскаго, Крепцатикъ, соб. д., № 40.
1891.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Максимиліанъ Фонъ - Мооръ — владѣтельный графъ.

Карлъ {
Францъ { его сыновья.

Амалія Фонъ-Эдельрейхъ.

Шпигельбергъ {
Швейцеръ {
Гриммъ { развратные молодые
Рацманъ { люди, впослѣдствіи
Шуфтерле { разбойники.
Роллеръ {
Косинскій {
Шварцъ {

Германнъ — незаконнорожденный сынъ
одного дворянина.

Даніель—дворецкій графа Моора.

Пасторъ Мозеръ.

Монахъ.

Шайка разбойниковъ и другіе.

Мѣсто дѣйствія—Германія. Время дѣйствія—около двухъ лѣтъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Франконія.—Залъ въ замкѣ гр. Моора.

Францъ. *Старикъ Мооръ.*

Фр. Хорошо - ли вы себя чувствуете, отецъ? Вы такъ блѣдны...

Ст. М. Отлично, сынъ мой. Что хотѣлъ ты мнѣ сказать?

Фр. Почта получена.... письмо отъ нашего лейпцигскаго корреспондента...

Ст. М. *(Живо).* Извѣстія о сынѣ Карлѣ?

Фр. Гм.! Гм.!—да. Но я боюсь.... не знаю, долженъ-ли я... Ваше здоровье... На самомъ-ли дѣлѣ, отецъ, чувствуете вы себя здоровымъ?

Ст. М. Мнѣ также хорошо, какъ рыбѣ въ водѣ! Онъ пишетъ о сынѣ Карлѣ? Чего ты безпокоишься обо мнѣ? Ты уже второй разъ спрашиваешь меня объ этомъ.

Фр. Если вы больны, если имѣете малѣйшее предчувствіе болѣзни, то позвольте мнѣ поговорить съ вами въ болѣе удобное время. (*Про себя*). Это извѣстіе не для такого дряхлаго тѣла.

Ст. М. Боже! Боже! Что это за извѣстіе?

Фр. Позвольте мнѣ сначала въ сторонѣ пролить слезы состраданія о моемъ погибшемъ братѣ. Мнѣ-бы слѣдовало вѣчно молчать, такъ какъ онъ вашъ сынъ; мнѣ бы слѣдовало вѣчно скрывать его позоръ, такъ какъ онъ мой братъ. Но вамъ повиноваться—моя первая обязанность, а посему простите меня.

Ст. М. О, Карлъ! Карлъ! Еслибы ты зналъ, какъ твои поступки мучаютъ отцовское сердце! Одно радостное извѣстіе о тебѣ могло бы прибавить мнѣ 10 лѣтъ жизни, могло бы сдѣлать меня юношей, а вмѣсто этого каждое—все больше приближаетъ меня къ могилѣ.

Фр. Если такъ, то будьте здоровы! Иначе еще сегодня пришлось бы намъ всѣмъ рвать волосы надъ вашей могилой.

Ст. М. Останься! Еще одинъ шагъ остался мнѣ къ могилѣ: пусть будетъ по Его

желанію. (*Садится*). Грѣхи отцовъ взыскиваются въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ... Пусть доканчивается!...

Фр. (*вынимаетъ письмо изъ кармана*). Вы знаете нашего корреспондента! Палецъ своей правой руки отдалъ бы я, чтобы имѣть право назвать его лжецомъ, гнуснымъ, ядовитымъ лжецомъ... Мужайтесь! Простите меня, если я не дамъ вамъ самимъ прочесть письмо: вы еще не все должны знать.

Ст. М. Все, все читай! Ты, вѣдь, не захочешь меня мучить!

Фр. (*читаетъ*). „Лейпцигъ 1-е мая. Если бы меня не связывало нерушимое обѣщаніе, дражайшій другъ, не скрывать отъ тебя даже самаго худшаго изъ того, что я узнаю о судьбѣ твоего брата, то никогда бы мое невинное перо не сдѣлалось твоимъ мучителемъ. Могу представить себѣ по твоимъ письмамъ, какъ должно отъ этакихъ извѣстій мучиться твое братское сердце. Мнѣ кажется, я вижу, какъ ты изъ-за этого негодая, мерзавца“ (*Ст. Мооръ закрываетъ лицо руками*). Видите, отецъ! Я читаю вамъ пока самое сносное... „изъ-за этого мерзавца проливаетъ слезы“... Ахъ! Онѣ ручьями лились

съ моихъ щекъ!... „я вижу твоего стараго, благочестиваго отца, какъ онъ смертельно блѣдный“... Боже! Вы дѣйствительно уже поблѣднѣли, прежде чѣмъ узнали самое незначительное!

Ст. М. Дальше! дальше!

Фр. „смертельно блѣдный падаетъ на стулъ и проклинаятъ тотъ день, когда онъ впервые былъ названъ отцомъ. Мнѣ не все открыли, и изъ того немногаго, что мнѣ извѣстно, ты узнаешь только небольшое. Твой братъ, кажется мнѣ, перешелъ всякую границу въ своемъ безстыдствѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ничего ниже того, что онъ сдѣлалъ, если только его геній не превосходитъ въ этомъ мой собственный. Вчера въ полночь онъ съ семью другими, которыхъ увлекъ въ свою распутную жизнь, бѣжалъ отъ рукъ правосудія, надѣлавъ на 40,000 дукатовъ долговъ“... Хорошія карманныя деньги, батюшка! „обезчестивъ здѣсь дочь одного богатаго банкира и смертельно ранивъ ея жениха, прекраснаго молодого человѣка, знатнаго происхожденія“. Отецъ! Ради Бога! Что съ вами?

Ст. М. Довольно! Оставь, сынъ мой!

Фр. Я жалѣю васъ. „Разосланы приказы объ его арестѣ, оскорбленные требуютъ удовлетворенія, его голова оцѣнена. Имя Мооровъ“... Нѣтъ! Я не хочу убить отца! (*разрываетъ письмо*). Не вѣрьте этому, отецъ! Ни одному его слову не вѣрьте!

Ст. М. (*горько плачетъ*). Мое имя! Мое честное имя!

Фр. (*обнимаетъ ея*). Безстыдный Карлъ! Развѣ я этого не предчувствовалъ еще тогда, когда онъ еще ребенкомъ гонялся за дѣвчушками, шатался съ уличными мальчишками и всякимъ сбродомъ по лугамъ и горамъ, избѣгалъ церкви, какъ злодѣй—темницы и отдавалъ деньги, которыя онъ у васъ выпрашивалъ, первому встрѣчному нищему, въ то время какъ мы дома поучались молитвамъ и читали священныя книги? Развѣ я этого не предчувствовалъ, когда видѣлъ, что онъ охотнѣе читаетъ похождения Юлія Цезаря, Александра Великаго и другихъ язычниковъ, чѣмъ исторію Товіа? Сотни разъ предсказывалъ я вамъ это,—ибо моя любовь къ нему никогда не переходила предѣловъ сыновняго долга,—что этотъ мальчикъ ввергнетъ насъ въ несчастье

и позоръ! О, еслибы онъ не носилъ имени Мооровъ! еслибы я его не любилъ такъ сильно! Эта безбожная любовь, которой я не могу уничтожить въ себѣ, обличить меня еще когда-нибудь предъ судомъ Божиимъ.

Ст. М. О, мои надежды! Мои золотые сны!

Фр. Это я прекрасно знаю. Объ этомъ именно я только что говорилъ. Страстная душа, которая горитъ въ мальчикѣ,—говорили вы всегда,—заставляющая его сочувствовать красотѣ и величію, эта прямота, просвѣчивающая въ его глазахъ, эта мягкость чувства, заставляющая его плакать при малѣйшемъ страданіи, эта смѣлость, заставляющая его взбираться на вершину столѣтнихъ дубовъ, перебираться черезъ рвы, ограды и быстрыя рѣки, это дѣтское честолюбіе, это непреодолимое упорство и всѣ эти блестящія добродѣтели, которыя росли въ отцовскомъ любимцѣ, сдѣлають его когда нибудь вѣрнымъ другомъ для друга, отличнымъ гражданиномъ, героемъ, сдѣлають его великимъ человекомъ. Страстная душа развилась, развернулась и дала прекрасные плоды. Смотрите, какъ эта прямота перешла въ дерзость, мяг-

кость нѣжно увивается около кокетокъ, какъ чувствительна она къ прелестямъ какойнибудь Фрины. Смотрите, какъ этотъ пламенный геній выжегъ въ шесть лѣтъ его жизненныя силы такъ, что онъ похожъ на мертвеца, а люди съ такимъ безстыдствомъ говорятъ: *c'est l'amour, qui a fait ça!* Посмотрите, какъ эта предприимчивая, смѣлая голова составляетъ и выполняетъ планы, предъ которыми тускнѣютъ подвиги Картуша и Говарда! А что будетъ, когда эти отличные ростки вполнѣ разовьются? Какого совершенства можно ожидать отъ него въ молодые годы? Быть можетъ, отецъ, вы доживете до радости видѣть его въ рядахъ того войска, которое живетъ въ тиши лѣсовъ и облегчаетъ утомленнаго путника на половину его ноши! Быть можетъ, вы предъ смертью совершите еще путешествіе къ его памятнику, который онъ соорудитъ себѣ между небомъ и землею! Быть можетъ... Отецъ! Отецъ! Позаботьтесь о другомъ имени для себя, иначе купцы и уличные мальчишки, видѣвшіе портретъ вашего сына на рыночной площади въ Лейпцигѣ, будутъ указывать на васъ пальцами.

Ст. М. И ты, мой Францъ, и ты? О, дѣти мои! Какъ вѣрно цѣляютъ они въ мое сердце!

Фр. Вы видите, я могу быть и остроумнымъ, но мое остроуміе — уколъ скорпіона. Этотъ холодный черствый Францъ — какъ тамъ вы еще меня называли, сравнивая меня съ нимъ, когда онъ сидѣлъ у васъ на коленяхъ и щипалъ васъ за щеки — этотъ Францъ умреть, сгніетъ и будетъ забытъ всѣми, тогда какъ слава этого генія прогремѣть отъ полюса до полюса. Ахъ!... О, небо! Этотъ черствый, сухой Францъ благодарить тебя за то, что онъ не таковъ, какъ тотъ!

Ст. М. Прости меня, сынъ мой! Не сердись на старика отца, обманутаго въ своихъ надеждахъ. Богъ, ниспосылающій мнѣ слезы черезъ Карла, осушить ихъ черезъ тебя, мой Францъ.

Фр. Да, отецъ, онъ долженъ ихъ осушить. Вашъ Францъ сдѣлаетъ цѣлью своей жизни — продлить вашу. Ваша жизнь будетъ для меня оракуломъ, который я буду вопрошать во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, зеркаломъ, въ которомъ я буду все созерцать. Я готовъ нарушить какую угодно обя-

занность, если это будетъ изъ за вашей драгоцѣнной жизни. Вѣрите вы мнѣ?

Ст. М. На тебѣ, сынъ мой, лежать еще великія обязанности. Богъ да благословить тебя за то, чѣмъ ты былъ для меня и чѣмъ будешь!

Фр. Скажите-же мнѣ, еслибы вы могли не называть его своимъ сыномъ, развѣ вы не были бы счастливымъ человѣкомъ?

Ст. М. Молчи! О, молчи! Когда повивальная бабка принесла его мнѣ, я поднялъ его къ небу и воскликнулъ: „развѣ я не счастливый человѣкъ“?

Фр. Вы это сказали; но развѣ слова эти оправдались? Вы завидуете несчастнѣйшему изъ крестьянъ вашихъ, что онъ не отецъ этого негодяя. Вы будете убиты горемъ, пока у васъ будетъ этотъ сынъ. Это горе будетъ расти съ Карломъ. Это горе подкопитъ вашу жизнь.

Ст. М. О! Оно уже сдѣлало меня 80-лѣтнимъ старикомъ!

Фр. А еслибы вы отреклись отъ этого сына?

Ст. М. (горячо). Францъ! Францъ! Что ты говоришь?

Фр. Развѣ не любовь къ нему причиняетъ вамъ все это горе? Безъ этой любви онъ не существовалъ бы для васъ. Безъ этой преступной, проклятой любви онъ умеръ-бы для васъ, не жилъ бы. Не плоть и кровь дѣлаетъ насъ отцами и сыновьями, а сердце. Если вы его больше не любите, то этотъ выродокъ уже вамъ не сынъ, даже если бы онъ былъ вырѣзанъ изъ вашего мяса. Онъ былъ до сихъ поръ зеницей ока для васъ; „соблазняетъ тебя око твое“, говоритъ св. писаніе, „вырви его“. Лучше съ однимъ глазомъ попасть въ рай, чѣмъ съ двумя—въ адъ. Лучше бездѣтнымъ попасть на небо, чѣмъ обоемъ, и сыну, и отцу, попасть въ адъ. Такъ гласитъ Божество.

Ст. М. Ты хочешь, чтобы я проклялъ своего сына?

Фр. Нѣтъ! Нѣтъ! Вы не должны его проклясть. Но какое значеніе имѣете вы для вашего сына, которому вы дали жизнь, если онъ всячески старается сократить вашу?

Ст. М. О, это слишкомъ справедливо! Это судъ надо-мной. Богъ самъ повелѣлъ ему это.

Фр. Видите, какъ по сыновнему поступаетъ съ вами вашъ любимецъ! Онъ душитъ васъ вашимъ же отцовскимъ участіемъ, убиваетъ васъ вашей же любовью, подкупилъ ваше отцовское сердце, чтобы вы скорѣе испустили духъ. Послѣ вашей смерти онъ дѣлается вашимъ наслѣдникомъ, царемъ своихъ инстинктовъ. Преграда уничтожена и потокъ его страстей можетъ свободнѣе устремиться впередъ. Представьте себя на его мѣстѣ! Какъ часто долженъ онъ желать смерти своего отца, брата, которые такъ безжалостно стоятъ на пути его распутства? Развѣ это любовь за любовь? Развѣ это сыновняя благодарность за отцовскую нѣжность, если онъ 10-ю годами вашей жизни жертвуетъ изъ-за одного сладострастнаго мгновенія? если онъ въ сладострастную минуту ставитъ на карту славу своихъ предковъ, незанятную въ теченіе семи столѣтій? Такое-то значеніе имѣете вы для своего сына? Отвѣчайте! Столько-то вы значите для него?

Ст. М. Дурное дитя! Ахъ! Но всетаки мое дитя!

Фр. Малѣйшее, драгоцѣннѣйшее дитя,